

ЕЛЕНА ФЕНИКС

ПЕРЕЛОМ

16+

Елена Феникс

Перелом

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Елена Феникс

Перелом / Елена Феникс — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06191-0

Бывают в жизни ситуации, которые иначе как чудесами не назовешь. Вот ты вроде бы тонешь уже, идешь на дно, а вдруг какая-то неведомая сила выбрасывает тебя на поверхность, заботливо оправляет одежды и направляет на верный путь. Или вот приходит во сне образ человека, и ты понимаешь, что он - твоя любовь, но в реале его нет. И вдруг совершенно случайно рядом оказывается некто, и ты, однажды, острой вспышкой чувства ощущаешь, что это именно тот, кто являлся во сне... Предвидение это или Божественное провидение? На примере собственной судьбы автор делится своими мыслями и переживаниями...

ISBN 978-5-532-06191-0

© Елена Феникс, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

... Я сижу дома с огромным – от стопы до паха – гипсом на правой ноге. Перелом настолько серьезный, что врачи не дают гарантии, что я буду бегать, и что вообще дело обойдется без операции.

Я понимаю, что эта ситуация дана мне для осмысления своей жизни, полной небесных знаков и ситуаций, которые красноречиво убеждают в божественном характере бытия, в реальном существовании высшей силы, которая ведет нас, если мы ее признаем и доверяемся ей, но которая бьет больно и ломает судьбу, если мы упрямо считаем лишь себя ее хозяевами и забываем о главном, ради чего пришли на Землю – о своем предназначении и поиске своей Любви. Ибо без нее не исполнить написанных на роду задач.

Мне предстояло написать эту книгу. Писать книги – мое предназначение, как бы я ни уходила от этого в сиюминутную журналистику, в скандалы и расследования, в государственные проблемы и защиту прав человека. Главным, судя по всему, высшие силы считают мою способность передавать через слово энергию Вселенной и тем самым будить души людей, пробуждать их сознание, помогать заглянуть в свой внутренний мир и встрепенуться: жизнь ведь так коротка, а так многое нужно сделать!

Хорошо, если знаешь, что именно. А если нет? Если живешь по накатанной, «как все»? Как животное, как овощ? Ешь, спишь, пьешь, занимаешься сексом, кого-то рожашь, с кем-то воюешь, интригуешь, подличаешь, куда-то ходишь на работу и снова – ешь, спишь...

И для того меня уложили в постель с переломом ноги, чтобы, перетряхнув собственную жизнь, которая протекает рядом с вами, вовлекая и вас в круговорот событий – а ведь мы все энергиями связаны друг с другом – так вот, чтобы и вы оглянулись вокруг и переосмыслили свою жизнь, на моих примерах сумели понять и свое предназначение, и свои чувства.

Прими, читатель, это как данность: через меня сейчас будут говорить высшие силы. Вселенская энергия. Которая не прощает, если человек не использует способности, дарованные при рождении, а значит, живет вхолостую. Таких отправляют в «переработку» – не за чем засорять эфир пустопорожней жизнью и грязными мыслями. Быстро растущие кладбища лишь подтверждают это соображение – там много молодых и зрелых, безвременно ушедших. В авариях, в драках, от неизлечимых болезней.

Наверняка каждому давались знаки: туда не ходи, этого не делай, почисти свое окружение, подумай о душе... Давались раз, второй... Отсутствие выводов и последовавшие за тем переломы в судьбе неизбежно вели на погост.

Я не хочу, чтобы было так. Я хочу, чтобы ты, читатель, меня услышал и проникся важностью момента...

Итак, перелом. Как это случилось?

Была суббота. Накануне в мэрии ко мне подошел Сашка Чернухин, он много лет работает в спорткомитете, и мы знаем друг друга с тех пор, как приехали в ставропольский Георгиевск молодыми специалистами. Они с женой с Урала, я – из Караганды. Давность знакомства – более 30 лет – позволяла ему общаться со мной накоротке, а мне – верить ему, не ожидая подвоха.

– Лен, завтра наши играют с Нижним Новгородом. В пятнадцать часов. Придешь?

– В пятнадцать? – переспросила я. – Приду.

«Наши» – это волейбольный профессиональный клуб «Трансгаз-Ставрополь», бывшая команда «Спартак» из Грозного. От того клуба, который в полном составе в девяностых переехал в Георгиевск, мало, кто остался. Спорт в России стал бизнесом, игроки кочевали по городам и клубам, туда, где больше платили спонсоры. На Ставрополье платили негусто, волейбол здесь был не в чести – никто из высшего руководства края и города в последние годы этим видом спорта не увлекался, а потому развивать его не было стимула.

Новый георгиевский глава Максим Клетин увлекался силовыми единоборствами и только успевал открывать всё новые и новые борцовские секции. Волейболу фатально не везло.

Но я его любила, хотя сама не играла – моего небольшого роста хватало только на гандбол, теннис и плавание. Ну и на фитнес.

Волейбол же на многие годы стал главным в судьбе моих сыновей, которые выросли в Георгиевске на чемпионатах России с участием бывшего грозненского «Спартака». Сначала сыновья просто подносили мячи на соревнованиях, потом начали заниматься в детской команде и так и стали спортсменами. И вклад в их воспитание внесли эти самые грозненцы, заложив в мальчишек спортивный характер, командный дух, способность брать на себя ответственность, рисковать и побеждать.

И я была безмерно благодарна тренерам за эту воспитательную помощь, потому что растила сыновей фактически одна.

Я старалась не пропускать соревнований, тем более что команда уже играла в высшей лиге «А», сражаясь со спортсменами крупных городов – Москвы, Питера, Тюмени, Нижнего...

Это льстило провинциальному семидесятитысячному Георгиевску, в котором нет и никогда не было ничего более зрелищного, куда бы можно было пойти семьей и с друзьями зарядиться энергией, положительными эмоциями и преподать детям урок: вот какие они, настоящие мужчины!

Ближе к пятнадцати часам в субботу ко мне пришел друг, и мы пошли на соревнования. Возле спорткомплекса почему-то не оказалось «скорой помощи» – она всегда дежурит во время чемпионатов на случай травм, которые бывают у спортсменов часто и густо. В зале тоже не оказалось никого – ни болельщиков, ни разминающихся игроков, хотя часы показывали ровно пятнадцать. Только на верхнем ярусе копошился Сашка Чернухин.

– Саш, а что происходит? – крикнула я ему. – Что, игру отменили?

– Нет. Игра будет в семнадцать.

– Перенесли ее что ли?

– Нет, не перенесли, я тебе сказал, что в семнадцать! – уверенно прокричал Чернухин.

Странно. Я не стала спорить. Сашка был вечно замотанным работой, мог и ошибиться. Мы с другом пожали плечами и поплелись к выходу. Чтобы скоротать время, я решила зайти в магазин, купить продуктов, друг вызвался дотащить их ко мне домой. Там я разогрела обед, покормила друга, мы поболтали, и он засобирался домой. Женатый человек, он должен был быть дома в строго определенное время.

Меня это раздражало. Какого хрена обивать мои пороги, добиваться моего расположения, настойчиво и даже временами назойливо лезть в мою жизнь, если ты боишься своей жены и не собираешься делать резких шагов в мою сторону?! Ну, иди к ней, а от меня отстань!

Эти слова в разных вариациях я твердила другу уже второй год, но он не хотел ничего слышать: люблю тебя и – точка! А там – как Бог даст.

В этот день Бог дал мне. Да так, что я не могу очухаться четвертый месяц и даже взялась за перо.

... Итак, время близилось к семнадцати, и я уже твердо знала, что пойду на игру, едва за другом закроется дверь. Так и вышло. Он побежал к семье, а я оделась и вышла из дома.

Спорткомплекс расположен через дорогу, в двух минутах ходьбы от моей девятиэтажки. Накануне несколько дней шел дождь, глинистая почва стала скользким катком, и я в своих туфлях на платформе шла, как корова по льду. Почему я обула эту обувь...

На соревнованиях я традиционно получила дозу эмоций, как положительных от факта созерцания борьбы, так и отрицательных – наши уверенно проиграли Нижнему Новгороду 3:1.

Мартовский вечер гнетуще замер, когда я вышла из спортзала и направилась домой. Вымощенная плитами дорожка, в которой вечно застревали каблучки, меня не устроила, и я ступила на тропинку среди берез и сосен, по которой ходила на игры и обратно сто раз. Я поставила правую ногу на землю и....

В очередной раз сломалась моя жизнь.

Я упала так, что своим ревом взрезала тишину микрорайона почище сирены «скорой помощи». Она, кстати, дежурила на игре, но по причине ее благополучного исхода, уже отъехала от спорткомплекса.

Я лежала на земле под березой и орала. От боли и от шока. Я увидела свою ступню перпендикулярную голени и в ужасе пыталась сообразить, как это я так умудрилась ее вывернуть.

На мой ор сбежались болельщики. Они стояли в полной прострации над моим орущим телом и не знали, что со мной делать: мало ли, что я сломала... Кто-то кинулся возвращать «скорую», и я краем глаза выхватила ее, поворачивающую обратно к спорткомплексу, не переставая, однако кричать.

Рука машинально достала телефон и нашла номер шефа – георгиевского мэра Макса. Трубку сняла его жена и остолбенела от моего крика. Поняла лишь, что я упала. А где и как сейчас валяюсь, я объяснить не могла и дала отбой, продолжая голосить на весь квартал.

«Скорая» еще не подъехала. Я понимала, что она – мой единственный шанс, потому что накануне в городе перекрыли на ремонт центральную улицу. Теперь из одного конца Георгиевска в другой можно попасть только по некоей «пьяной», вдрызг разбитой дороге, которая шла в окружную и в лучшем случае прителепалась бы ко мне через час.

Сквозь мои рыдания прорезался телефонный звонок. Теперь на проводе был сам шеф:

– Елена Геннадьевна, – вежливо и спокойно спросил он. Он вообще человек вежливый и спокойный. Он даже матом, когда его допекут до печенок, ругается очень гармонично – вежливо и изысканно. – Что у вас случилось?

– Ааааааааааа, – только и смогла прокричать я и внутренним зрением увидела, как шеф остолбенел. Я дала отбой – подъехала «скорая» и меня начали перегружать с мокрой земли на носилки.

Дороги в Георгиевске аховые. Но особенно четко понимаешь это, когда у тебя сломана нога. Пятиминутная поездка превращается в вечную муку и не спасает укол медсестры и то, что она держит мою ногу на весу за брючину.

Главный вопрос, который сверлит мозг: за что? Почему?

«Скорая» прыгает на каждой кочке, перетряхивая мои мысли. Я отчетливо вижу нынешний вечер и заново переживаю свои ощущения: вот внутри меня нарастает раздражение, волнение, учащается сердцебиение, я чего-то хочу, но не понимаю, чего, я чего-то боюсь, и тоже не понимаю, чего именно... Вот какая-то сила толкает меня одеться и выйти из дома... Первое, что приходит на ум – назло кому-то. Кому? Ну да, конечно ему, другу. Он оставил меня одну и ушел. У него – семья, обязанности и обязательства. А меня он просто любит.

Любовь и долг легли на чаши весов и любовь проиграла. По крайней мере, по состоянию на эту минуту, когда меня на каталке впахивают в узкие двери травматологического отделения местной больницы. Настолько узкие, что мешают мои руки и плечи, и я с криком вжимаюсь в каталку, чтобы уменьшиться в размере.

«Если бы он не ушел в 17 часов, а остался со мной, я бы не вышла из дома, и ничего бы этого не произошло. Или мы вместе пошли бы на игры, и он бы не дал мне упасть», – сверлит мозг мысль, пока меня катят на рентген.

Нет, тут же перебиваю я себя. При чем тут он? С таким же успехом я могу винить свою туфлю на платформе, которая не удержала меня на скользкой земле. Какого дьявола ходить по Георгиевску в хорошей обуви? В Георгиевске надо ходить в болотных сапогах или тапочках на грубой резиновой подошве. Иного не дано.

С тем же успехом я могу винить и свою одноклассницу Наташку, которая приезжала ко мне в прошлом году из Караганды и с которой мы эти туфли покупали в Пятигорском бутике. Я еще не хотела их, опасаясь именно высокой платформы. Но Наташка настаивала, мол, посмотри, какая у тебя в них стройная ножка и как тебе идут лишние сантиметры роста! И я повелась...

Я могу винить и производителей – китайских и европейских, которые будто специально выпускают такие скользкие негнущиеся жесткие платформы, в которых не чувствуешь поверхности земли и идешь, как на лыжах. Или лепят такие жуткие набойки на каблуки, что на них можно тоже далеко и надолго укатиться в больницу. Или гонят вал скользкой кафельной плитки, на которой разъезжаются и с не меньшим успехом ломаются ноги и рвутся связки. Производители словно сговорились покалечить наш народ, будто у самих нет ни жен, ни детей, и будто сами они все как один Кощеи Бессмертные.

Еще я могу винить директора техникума, на территории которого находится спорткомплекс, и которому недосуг было посыпать гравием скользкие участки земли под деревьями.

И во всех случаях, переводя стрелки с одного потенциального виновника на другого, я буду права и неправа одновременно. Потому что всегда есть выбор, что купить, что надеть и какой тропинкой куда пойти.

Но крайними оказались волейболисты. Вскоре после моего падения всю команду перевели в Кисловодск. Как бы с глаз долой.

Но раз я всё-таки попала в эту ситуацию, надо подумать, почему.

На память приходит некто Каиафа, черная сущность, вошедшая ко мне в квартиру на 9 этаже буквально с улицы, с неба еще в 1995-ом и сломавшая мне жизнь. Впрочем, к тому моменту и ломать-то было нечего. Так что, маленький мужичонка в кепке, надвинутой на хитрые глаза, застывший в дверях лоджии, стал «вишенкой на торте». То, конечно же, был сон, а имя Каиафа появилось перед глазами, написанное вензельным почерком. А вскоре разрушительные процессы пошли самые что ни на есть настоящие.

Ушел тот гаврик из моей жизни спустя несколько лет. Был он уже высокий, крепкий мужик, явно напитавшийся моей энергией. Заглянул ко мне в спальню и сказал: «Ладно, я от тебя ухожу. Но неприятности будут приходить к тебе снова и снова».

Так я и живу с той поры: то вроде всё нормально, даже начинаю ощущать счастье, то вдруг всё рушится. Может и это мое падение – тоже дело рук Каиафы?

Зачем? Переоценить жизнь? Но я и без того весьма жестко отношусь к себе и постоянно анализирую свои поступки и даже мысли, стараясь не кривить душой и в любой ситуации оставаться порядочным человеком.

Одно время я верила, что можно очистить свою душу раз и навсегда, пока не прочитала в Библии, что изгнав из себя одного злого духа, на его место тотчас примчится легион других. От такой неизбежности опускались руки. Но по счастью я больше не видела в снах, чтобы кто-то занял место ушедшего от меня Каиафы. Видимо, он натворил дел в моей будущей судьбе на целую жизнь вперед. И сегодня взял и выманил меня из дома на соревнования после сильных дождей...

Я цепляюсь мыслью за неземной смысл своей трагедии, пока врач делает рентген и озабоченно вздыхает.

– Аллергия на лекарства есть? – выводит он меня из потустороннего мира, где я уже от дикой боли подыскиваю себе местечко.

– Вроде нет. На укусы комаров только, – бормочу я. И врач обкалывает ногу лидокаином. Потом деловито берет в руки мою изуродованную конечность, тянет на себя, поворачивает, как мне кажется, вокруг своей оси, и резким движением толкает ступню на место. Вслепую. На основании только беглого взгляда на рентгеновский снимок.

Боль тут же прекращается. Хочется встать и уйти домой.

– А мы знаем эту девушку, – доносится до меня женский голос. Потом и мужской. Это старшая медсестра и врач.

– Вы же в прошлом году, тоже в марте, были у нас с травмой?! – недоуменно вопрошают они.

– Ну да, – потухше отзываюсь я.

В прошлом году я села на шпагат в фитнес-центре и сильно растянула под коленом мышцы бедра. Левого. Тоже – поскользнулась. Дура-уборщица налила на скользкий плиточный пол воду и стояла точила лясы, опершись на швабру и перегородив проход. А тут я. Мне ничего не оставалось, как шагнуть прямо в лужу...

Мой ор тогда согнал со всех этажей фитнес-центра весь народ. И я никогда не думала, что умею так материться – негармонично и невежливо.

Тогда меня тоже от чего-то уберегали. Или – не пускали. Но я чего-то не поняла и ровно через год мне сломали ногу и уложили в постель. Думать.

Ну что ж. Будем думать...

– Как у новорожденной! – доносится до меня голос врача, который поставил ногу на место и теперь разглядывает второй рентгеновский снимок. Роман Васильевич Радачинский зовут этого доктора. Молодой и красивый. Как он задержался в Георгиевске при позорно низких зарплатах врачей?

На фитнесе со мной занималась молодая девушка-хирург из Ставрополя. Она получала зарплату в 10 тысяч рублей, которых хватало только на оплату съемного жилья. А работать приходилось и ночами, делать сложные операции, спасать жизни людей.

– Если бы не родители, которые меня содержат, я бы не смогла прожить на эту зарплату, – поделилась она однажды. И – не смогла. Вернулась в Ставрополь. Не исключаю, что Роман Васильевич тоже куда-нибудь уедет. Если власти не одумаются и не бросят все силы на то, чтобы создавать в провинции профессиональные школы – школу высококлассных врачей, школу высококлассных педагогов, журналистов, чиновников... Профессионалов, которым не страшно было бы доверить свою жизнь, здоровье, умы, будущее своих детей и внуков.

Пока же в нашей провинции правят бал бездарность и вкусовщина. Редкие самородки в этой гнилой среде просто обречены.

В древние века в европейских странах процветала обструкция – лучших людей выдавливали с родных мест, чтобы не портили основной серый фон посредственностей и не будоражили средние умы. Поэтому лучшие были вынуждены уезжать, чтобы выжить. Между делом искали себя, пытались самореализоваться, исполнить свое предназначение.

Судя по всему, обструкция актуальна и в 21 веке. Меня вот тоже в свое время выдавили. В Москву. Но я вернулась и теперь отчаянно пудрю средним умам мозги.

...Доктор Радачинский накладывает мне на ногу лангету – фиксирует поломанные кости. Значит, домой я теперь попаду не скоро. Меня на каталке везут в палату и выгружают на кровать с толстым резиновым матрасом. Я остаюсь наедине с собой. Начинается новый этап моей жизни.

За пару недель до этого падения я надумала мониторить Интернет в поисках своих книг «Демонократия, или Охота на ведьм по-русски» и «Между ангелом и бесом, между небом и землей». Они были изданы в Москве в 2007 году и тиражи были сначала разосланы издательством по интернет-магазинам России и за рубежом, а потом и распроданы без малейшего моего участия и мало-мальской рекламы.

Интерес к книгам оставался на удивление высоким, нужно было их переиздавать, но дело это дорогостоящее, и я думать об этом перестала. Но в Сети иногда находила непроданные один-два экземпляра и выкупала. Однажды мне даже из Киева прислали уцелевшую мою книгу.

Накануне того злосчастного перелома на одном из форумов меня настиг крик чьей-то души: куплю за любые деньги книгу Елены Феникс «Между ангелом и бесом...». Дата крика – январь 2018. Спустя 10 лет после выхода произведения!

Я зарегистрировалась на форуме и попросила Гульнару, так звали автора поста, прислать мне свой мэйл – я могу выслать только электронную версию книги в формате ПДФ, ибо весь тираж давно распродан.

Девушка откликнулась быстро, имела латвийский мэйл и жила в Ирландии. О книге она узнала от подруги-ясновидящей из Рязани, которая давно рекомендовала Гульнаре найти мою книгу и прочитать.

И вот теперь, лёжа в больничной палате с лангетой на голени, смысл происходящего виделся мне совсем уж загадочно. Я была заинтригована и попросила познакомить меня с ясновидящей: уж она-то точно скажет, зачем мне дана эта ситуация с переломом ноги? За что и почему?

Вскоре мы связались со Светланой – так ее зовут. И она рассказала потрясающую историю своего знакомства с моей книгой «Между ангелом и бесом...».

– Я искала некую книгу. Я знала, что непременно должна найти какое-то очень важное для меня произведение, – рассказала Света по видеосвязи в ватсапе. – Зашла в центральный книжный магазин в Рязани, походила вдоль стеллажей... Увы. Нет здесь той, которую ищу. Пошла в другой магазин – то же самое. В каком-то полуподвальном магазине я почувствовала, что то, что я ищу – здесь! Подошла к стеллажу и уверенно протянула руку к книгам, стоящим не в первом ряду, а в глубине, во втором ряду. Их корешков не было видно, но мои пальцы выхватили то, что мне было нужно. По энергии, идущей от Вашей книги, я поняла, что именно ее я искала весь день.

В подтверждение Света показала мне в видеокамеру телефона обложку «Между ангелом и бесом...», потом развернула книгу, и я ахнула: внутри некоторые страницы были в подчеркиваниях и выделениях фломастером.

– Она у меня как рабочий блокнот, – улыбнулась Света. – Я тут свои мысли записываю, когда перечитываю.

И через секунду огорошила вопросом:

– Почему Вы дальше не пишете? Мы ждем продолжения!

И тут осеняет меня:

– Света, Вы хотите сказать, что меня уложили в постель с переломом, чтобы я писала книгу?

– Да. Вы отклонились от своей задачи.

– Но я же работаю, мне некогда...

Я немного лукавила. «Между ангелом и бесом...» я писала в Москве, работая на куда более сложном участке – генеральным директором издательского дома, главным редактором журнала, при этом добираясь на работу из Щелково по три часа и столько же тратя на обратный путь. А сейчас... Сейчас я помощник Главы городского округа, живу в 10 минутах от «белого» дома и времени свободного в разы больше...

– Но я не хочу работать на корзину, – устало продолжила я. – Сегодня издать книгу без денег нереально. 300-500 тысяч – огромные суммы. И потом, я считаю такую практику – издание книг за деньги автора – крайне порочной! Эдак любой бездарь при бабках напишет в свое детище глупостей, исказит историю, заплатит и станет называть себя писателем. Что, кстати и происходит.

– Не думайте об этом. Ваша задача – написать книгу. Всё остальное – забота Вселенной.

И правда, вспомнила я. Обе мои книги вышли в Москве без моих вложений – мне же еще и гонорар заплатили. А кто я для столицы? Неизвестный автор, да еще под псевдонимом. Но раз должны они были по неведомой мне воле небес быть изданы – они и увидели свет.

Стало быть – по этой логике – если я не засяду за исполнение своего предназначения, мне не только ногу поломают, а что-нибудь покруче.

Коротко скажу, что рассказала я в своих произведениях собственную трагедию: я, ставропольская журналистка, в начале 2000-х вошла в клинч с губернатором и коррумпированной элиткой, которые задались целью вышвырнуть меня из профессии и сломать мне жизнь. «Она в крае даже уборщицей работать не будет», – заявлял тогдашний губернатор и подленькими преследованиями вынудил меня покинуть регион.

Детективная история первой книги с попыткой отстоять право выполнять свое предназначение плавно трансформировалась в написание второй книги о поисках своей второй половины. С ней, а точнее, с ним, мы встречались в снах и в астрале. Его звали Алэн, и я должна была его найти и узнать на земле, в реале.

Как мне найти его? По каким признакам узнать? А, найдя и узнав, как жить дальше, ведь он – и это мне известно из снов – женат, имеет обязательства и благороден настолько, что не способен бросить семью?! Так может быть, не стоит и искать, заведомо зная печальный исход? И что сам Бог говорит на сей счет?

Такой вот крутой замысел в книге «Между ангелом и бесом...».

– А что было дальше? – спрашивали меня читатели. И я понимала, что продолжение неизбежно. Тем более что происходящие события сами стали раскручивать сюжет очередной книги, за которую я никак не могла сесть. Пока не упала.

Ну что же... Книгу, говорите... Ну, тогда поехали... Танцую от печки. То бишь, с момента возвращения в Георгиевск из Москвы. Изгнание закончилось. Впереди неизвестность.

... 2010 год. Грязный поезд Москва-Владикавказ. За окном ночные огни Казанского вокзала. Мои попытки за 6 лет работы в столице найти моего земного Алэна или, проще говоря, свою вторую половину, не увенчивались успехом. Появляющиеся на пути мужчины были или дебилы, или альфонсы. Что, впрочем, не исключало одно другого. И я привыкла быть одна, сильной и твердой.

В Георгиевске меня ждала престарелая мама и залитая кипятком квартира на 9 этаже многоэтажки. Поразительно, но в доме за 30 лет со дня его ввода в строй горячей воды не бывало в принципе, из-за чего приходилось регулярно ставить клизмы теплосети. А тут, в новогоднюю ночь 2010-го вдруг над моей квартирой на техническом этаже рванули трубы, и кипяток полился вниз, на мою спальню и коридор, удивительным образом не сделав замыкания в электропроводке.

Утром мама пришла ко мне полить цветы и обнаружила отошедшие от стен обои и плавающие ковры на полу. Она в шоке вызвала аварийную бригаду. Теплосеть не отказывалась: да, виноваты, делали капитальный ремонт. А поскольку руки у рабочих, как правило, растут не из нужного места, то кто-то что-то недокрутил или перекрутил, и кипяток под напором прорвал трубу.

Тогда мама и начала болеть, какое-то время скрывая от меня и факт аварии, и факт микроинсульта. Сообщила о затопленной квартире только после новогодних праздников, понимая, что тем самым срывает меня из Москвы обратно в Георгиевск, где я по-прежнему была персоной нон-грата и все мои враги и недоброжелатели сидели в своих властных креслах, строго блюдя, чтобы ни одна дерзкая журналистская душа никогда больше не потревожила их величеств.

Остаться в Москве к этой минуте уже не было смысла. Сыновья окончили университет, старший еще и аспирантуру, оба работали, занимались спортом, были самостоятельны, и моя материнская миссия была исполнена с лихвой. Теперь требовалось исполнение миссии дочерней.

Моя трудовая книжка обогатилась записями о должностях, которые я никогда бы не заняла на Ставрополье, потому хотя бы, что здесь не было в наличии подобных мест работы.

Я смело могла сказать, что вполне успешно состоялась в Москве в профессиональном плане, как журналист, писатель, руководитель, как бы ни пытались меня оболгать в регионе разные бездари.

Однако политическая публицистика – моя основная специализация в профессии – по-прежнему была для меня недоступна в официальных СМИ, потому что была в Москве уделом горстки избранных, которые весьма избирательно подходили к тематике своих выступлений, игнорируя региональные проблемы и коррупцию.

Подстраиваться, лицемерить, называть черное белым я не могла в принципе, рассматривая таковое, как измену профессии, что для меня сродни измене Родине. Но Москва к 2010-му одной рукой транслировала в СМИ демократическое разномыслие, другой душила профессионалов, подвергавших сомнению и тем более критике внутреннюю политику властей, щедро пичкая офисы и редакции удобными и угодными молодыми людьми.

– Сейчас в столице востребованы блондинки, рост 170, вес 65 кг до 35 лет. Все прочие не копируются, – наставляли меня коллеги на путь истинный в редакции одной известной газеты. – Ты, Лена, хоть и «баба – ягодка», но не формат.

Никого не интересовало, есть ли мозг в головах рослых болонок, и как у них обстоят дела с образованностью, интеллектом, профессиональными навыками. Это «бремя» было лишним.

Появившиеся вскоре телефильмы, театральные постановки и литературные произведения крайне низкого качества и откровенно скандального содержания не оставляли сомнений в том, что Запад добился своей цели развратить и опошлить Россию вместе со всеми ее ценностями.

На днях один популярный ведущий политического ток-шоу озвучил эту предательскую истину: в 90-х, когда американские консультанты на российских заводах и фабриках, в органах власти и управления нашептывали о пользе западных ценностей и разваливали нашу экономику с агропромом, главная российская ценность – идеология – была изъята из Конституции и общественного сознания.

Под соусом борьбы с коммунизмом выбросили на помойку и главную задачу – построение справедливого социального государства с равными для всех возможностями. А такое может произойти только при условии воспитания общества в духе ненавистных западникам советских ценностей – морали, чести, порядочности, нравственности. И хоть компартийная верхушка сама была далека от них и жила не хуже нынешних олигархов, но само социалистическое общество крепко стояло на ногах именно благодаря этим главным своим идеологическим постулатам, передавая их из поколения в поколение.

Продажные либерасты посягнули на основы российского мироздания, внушив и президенту вред идеологии как таковой и подленько ставя знак равенства между нею и КПСС. Хотя любой зрелый ум понимает, что идеология де факто присутствует в каждой семье и именно она определяет, кем в ней вырастут дети – алкоголиками, наркоманами, геями или – ломоносовыми, пушкиными и просто порядочными гражданами.

Судя по тому, что талантов, равных этим, Россия в 20 веке не обрела, а геев и дебилов расплодилось уйма, сегодняшняя идеология России заключается в расчеловечении, деградации и уничтожении нашей страны.

Косвенно признавая это, ведущий ток-шоу сказал: мы, мол, взамен отказа от идеологии ожидали инвестиций и дешевых банковских кредитов, но вскоре поняли, что их не предвидится.

Такое вот признание главного политического шоумена страны: 90-е годы запустили процесс развращения народа, а сама Россия была продана за полкопейки. И произнес это маститый журналист, несколько лет работавший в Америке и осведомленный о ее планах, только теперь, через 20 лет после развала СССР.

Как честно!

Не удивительно, что в результате мы получили мат, секс, гениталии и удовлетворение низменных потребностей на театральной сцене и в кино. Россия вляпалась в Интернет, откуда черпает чернуху, порнуху и безнаказанность. Нет идеологии – есть вседозволенность.

Кто в этих условиях будет думать о собственном предназначении? О поиске своей второй половины? О божественной, абсолютной любви?

И все же я верю, что в нашем народе не угасла эта генетическая вера – в чистоту чувств и помыслов, которая неизбежно отфильтрует общество и вычленил, отправит в небытие «животных». Вопрос лишь в том, когда...

Эти мысли рождались под стук колес поезда. Я возвращалась домой, в Георгиевск. Туда, откуда меня изгнали 6 лет назад за мою честную и качественную журналистскую работу, за государственную гражданскую позицию, за владение словом, за сопротивление предателям во власти. Они всё также там. А я... Где я?

Я открыла глаза. В больничной палате было холодно. Апрель 2018-го выдался на редкость дождливым и ветреным. Я люблю такую погоду. Нога с лангетой лежала на высокой подушке и не болела. Начался обход. В палату вошел главный врач Сергей Иванович с какой-то важной теткой. Она свысока оценила мое плачевное состояние и вдруг брякнула:

– Я уверена, что вы неправильно завтракаете!

Любопытно, подумала я. Гипс вроде мне на ногу намотали, а не на живот, чтобы подвергнуть критике его содержимое.

– Вот вы пьете натошак полтора литра воды? – с вызовом продолжала высокомерная дама.

– Конечно, нет. Как правило, пью один стакан! – вежливо отозвалась я. Хамить в ответ даже на откровенное хамство не умею.

– А вот я пью полтора литра! И только через полтора часа завтракаю! Благодаря этому у меня хорошая фигура!

Офигеть, подумала я.

– А вы, наверно, кашу едите? – с презрением продолжала самовлюбленная дама.

Не ем я кашу, с чего вы взяли, хотела сказать я, но главный врач не выдержал и увел даму из палаты.

Какого дьявола она приперлась? Посмотреть на журналистку с поломанной ногой? Мол, будет знать, как пинать власть!

И это – врач?

Я, конечно, являла жалкое зрелище. Понимание своей ничтожности происходит, когда человек обездвижен. И пусть у меня повреждена лишь одна нога, и перелом при всей его сложности вызывал у врачей осторожный оптимизм – все кости встали на место и не собирались смещаться, но я не могла делать элементарных вещей, которые человек совершает автоматически – умываться, чистить зубы, опорожнять мочевой пузырь и кишечник. Для этого надо было поднять себя на локтях на скользком резиновом матрасе, пока санитарка подсовывает под мягкое место «утку», потом умудриться вытащить ее и аккуратно опустить на пол, где она простоит «благоухая» до следующего прихода санитарки, потому что та металась по палатам между полусотней лежащих больных и ничего не успевала.

С санитарками в Георгиевской больнице была беда. Их, как написано в объявлениях в палатах, катастрофически не хватает. В результате эти, как правило, крепко пенсионного возраста женщины из окрестных сёл, используются не по назначению. Например, привозят из пищеблока еду, разливая ее по тарелкам в промежутках между мытьем «уток». Или часами пропадают в реанимации и даже – на таких серьезных долгоиграющих операциях, как трепанация черепа.

– Так, больные! Санитарочки не будет четыре часа, имейте в виду! – громко объявляет кто-то из медперсонала в коридоре.

– А бабушка в туалет хочет, – доносится из палаты.

– Пусть бабушка терпит, – следует ответ.

В такие минуты собственная беспомощность встает в полный рост, и ты начинаешь страстно завидовать им, бегающим по больничному коридору людям в белых халатах, отстукивающим уверенные шаги каблучками, как бы специально дразня тех, кто не может встать и боится, что и ходить не сможет вообще и никогда...

В палате напротив лежит мальчик 7 лет. Он, дурачок, насмотревшись в Интернете роликов о прыжках с тарзанки, тоже прыгнул и разбил ножку всмятку. Другой мальчишка, восьмиклассник, тоже жертва Интернета, изобразил из себя мастера паркура и прыгнул с высоты развалин бывшего кирпичного завода. Оба лежат на вытяжке и не факт, что не станут инвалидами.

И я с гордостью думаю о том, что я всё-таки отличная мать! Вырастить двоих сыновей в стране с уничтоженной идеологией, при насаждаемой морали вседозволенности, воспитать мальчишек порядочными людьми, спортсменами, эрудитами при диком сопротивлении со стороны государства, которое в 90-х навязывало совсем иные ценности, это – материнский подвиг. Ведь порой приходилось впихивать в сыновей, насильно даже, знания и умения, которыми они теперь ловко орудуют в жизни. Но чего это мне стоило...

Та же Москва подкосила мое здоровье за те годы, что дети учились в университете, и я была для них палочкой-выручалочкой. Постоянные переживания за их сессии, несданные экзамены, трения с профессорами, нелады с девушками, поиски подработки и безденежье придали мне гипертонию и панкреатит. Стоила ли эта овчинка выделки? Не была ли моя родительская забота во вред, лишая сыновей испытаний, положенных им судьбой?

Однажды я вмешалась в ход событий жизни младшего сына. К нему в студенческую общагу явилась полиция. Поигрывая жезлом, стражи порядка обратились к ребятам, склонившимся над чертежами – начиналась сессия: «Ну что, молодежь, послужим родине?». И студентов-очников-бюджетников с отсрочками от армии повезли в военкомат.

В тот год мальчишек ловили по всей Москве – в метро, на ступеньках вузов, даже дома вытаскивая по ночам из постелей. Министр обороны Табуреткин укреплял вооруженные силы недоучками.

В момент, когда сына сажали в воронку, я ступила на трап самолета в Шереметьево – вернулась из командировки в Ростов и Краснодар. Едва я включила телефон, как тут же раздался звонок, и сын сообщил мне пренеприятное известие. Была уже полночь.

– В какой военкомат вас везут? Почему? – кричала я, заглушая гул моторов на летном поле. Ответом стали гудки.

В полном шоке я не знала, что делать, куда бежать. Наверно, многие бы в этой ситуации смирились и сказали что-нибудь типа «на все воля Божья». Но у меня со смирением всегда была большая проблема.

По счастью, меня встречала коллега, она дала мне свою машину и конверт с деньгами «на всякий случай». Взятки я сроду не давала и не собиралась, но развивать эту тему было некстати, и я молча сунула деньги в сумку, твердо зная, что верну их при первой же встрече.

Тем временем сын выяснил, в какой военкомат его везут, и сбросил мне смс. Через час и я была там.

Военкомат встретил меня высоким железным забором. Понимание того, что за ним сейчас происходит незаконно, что мальчишек-студентов медкомиссия как пить дать забреет в армию и, скорее всего, в Чечню, что сейчас, во втором часу ночи я просто обязана попасть за этот высокий забор, придавало мне таких сил, что я, подняв крик на всю тушинскую округу, прорвалась-таки на территорию военкомата и на блок-пост.

Началась осада. Я звонила по всем мыслимым телефонам и горячим линиям, подключая к проблеме всех, кого можно и невозможно было достать этой поздней ночью. Кто-то сбросил мне личный телефон военкома, и я принялась бомбить его звонками.

– Женщина, идите спать, – буркнул мне военком и дал отбой. Я набрала номер снова.

– Я не женщина. Я журналист. В какой газете Вы хотите, чтобы завтра утром появилось это наше интервью? – я стала называть государственные и частные скандальные издания.

Военком снова дал отбой. Тем временем сын набрал мой номер и опустил руку с телефоном вниз. Всё происходящее этажом выше было мне слышно в мою трубку.

– Ты кто такой дерзкий? Откуда? – орал чей-то голос.

– Из Ставропольского края, – это был голос сына.

Послышались угрозы и какие-то хлопки. Кажется, на моего сына подняли руку. Я снова набрала номер военкома и прокричала ему, что всё слышу и записала факт избиения на диктофон. Военком дрогнул:

– Ладно, женщина, выйдет сейчас ваш сын!

Тут дверь на блок-пост открылась, и вошел милиционер с женщиной и парнем призывного возраста. Оказывается, этот студент-медик уже мирно спал, когда в квартиру позвонили и мент потребовал явить его взору парнишку. Перепуганная мать, не зная за своим отличником ничего дурного, его разбудила. Страж порядка не счел нужным что-либо объяснять, заставил парня одеться и следовать за ним. Мать собралась и поехала вместе с сыном. И вот теперь оба таращили глаза на блок-пост, понимая, что единственной виной мальчишки было его вчерашнее 18-летие.

Едва я выслушала их историю, как ко мне подбежал незнакомый парнишка и попросил спасти своего друга – у того разрядился телефон, он не может дозвониться до своих родных, и его сейчас «точно загребут в армию по беспределу, а у него мать больная сердцем, не выдержит». Ну как я могла спасти того студента? Никак. Мне бы своего сына вытащить отсюда живым и здоровым.

Но вот и он. Взъерошенный, злой, он спустился со второго этажа, и мы вышли на улицу. Светало. Не верилось, что мне удалось спасти моего мальчику. Не от армии. От беззакония.

Но теперь, по прошествии лет, я думаю: а правильно ли я сделала? Не с материнской, не с журналистской точки зрения, а... с божественной... Ведь каждому Бог положил испытания. И каждый должен с ними справляться самостоятельно. Только тогда он научается ценить жизнь, каждый ее момент, любить родину как мать, и мать – как Родину...

У китайцев считается преступлением спасать того, кто тонет: нельзя вмешиваться в чужую карму. Мы же вмешиваемся сплошь и рядом. А вмешиваясь, спасая – как нам кажется – тянем на себя чужие проблемы, не давая спасенным самим разобраться со своей судьбой и причинно-следственными связями.

Любопытно, но именно этот мой сын вмешался и в мою судьбу. И ему, собственно, обязан Ставропольский край, моим возвращением из Москвы...

... Господи, как хорошо думается и вспоминается на больничной койке! Я вдруг остро осознаю, что жизнь – конечна, и думаю, что всё самое лучшее и главное осталось там, за чертой трагедии, а впереди уже ничто не ждет. Я панически листаю в памяти свои сны в поисках тех, которые еще не сбылись, а значит, дают мне шанс на то, что сегодня, с вот этим сложным переломом, моя жизнь не кончилась, что я буду ходить, что буду счастлива, ведь я еще не всё успела сделать!

Но вместо будущего всплывают картины прошлого.

... Москва осталась далеко позади. Поезд лихо отстукивал: «до-мой, до-мой, до-до-до-до-домой»... Я смотрела в окно, за которым мелькал скудный пейзаж – лесополосы, 100 лет не видевшие санитарной рубки, поваленные столбы электросетей, покосившиеся домишки мест-

ных жителей, невесть как выживающих в этой глухомани. После светящейся огнями зажившей Москвы замкадовская провинция выглядела жалко до слез.

Я пригласилась на нижней полке и начала работу над ошибками.

Итак.

Прожив с мужем 13 лет и без него вдвое больше, я продолжала искать Алена, своего мужчину, виденного в снах. Но всё было мимо. Москва оставалась глуха к моим поискам.

Однажды мне начал писать в соцсетях одноклассник Вадик из Караганды. Это сейчас я понимаю, что он стал жертвой Интернет-зависимости. А тогда... Тогда я повелась на его оды моим книгам, которые он прочитал и возомнил, что он-то как раз и есть мой Аленин, мужчина, которого я ищу.

Проучившись с ним 10 лет в одном классе, я была слегка влюблена в него, как многие девчонки. Вадик же, избалованный их вниманием, к выпускному вечеру перепробовал почти всех. Рано женился, развелся, поступил в институт, бросил и нашел приют у дочки профессора, которая тоже не смогла определиться с предназначением и вечерами резала салаты и отвозила в кафешки. Вадик подвизался рядом, научившись неплохо готовить.

Так и жили. Скучно, в общем-то. А тут – Интернет. Границы мира раздвинулись, и оказалось, что в Москве живет одноклассница, которая занимается серьезной журналистикой, имеет солидные связи и знакомства, да еще и до сих пор недурна собой.

Вадик начал мне активно писать, втягивая в общение. Его интересовало всё: как я себя чувствую, как реагирую на начавшуюся московскую осень, не мерзну ли, как спала и что ела. Потом пошли воспоминания из школьной жизни. Потом – грустные рассказы о тяготах жизни личной. Короче, договорились мы до того, что он, похоже, и есть моя вторая половина, мой Аленин и должен приехать ко мне из Караганды в Москву.

А что? Всё сходится: Аленин в земной жизни женат, у него обязательства перед семьей, а меня он любит все свои воплощения и ищет по всей вселенной. И вот – нашел и спустя несколько десятков лет после школы, наконец, опознал.

Вскоре я встречала Вадика в Шереметьево. Он уехал от семьи ко мне «делать политику в России». Но делать ее он хотел моими руками и связями, а сам два месяца умно смотрел в комп.

В новогодние праздники ко мне приехали сыновья, я накрыла стол, познакомила ребят с гостем. Пыль в глаза им он пустить не сумел, младший сын как-то сразу все понял и через несколько дней, обдумав всё хорошенько, приехал ко мне и заявил, чтобы «этот олень» укатился колбаской. А мне, мол, нечего делать в Москве, пора возвращаться в Георгиевск, где меня ждет мама и родная квартира.

И так сын убедительно вещал, так был грозен в своей справедливости, что я ощутила себя слабой женщиной и подчинилась. В конце концов, диплом о высшем образовании известного вуза через пару месяцев сын получит и без меня, а затопленную квартиру отремонтировать, и маме помогать нужно было еще вчера. А то, что работать мне на Ставрополье не дадут... Да Бог с ней, с работой. Пусть враги наслаждаются своей мнимой победой. Дух мой они все равно не сломили, а все возможные профессиональные высоты мной давно покорены, можно смирить гордыню, заняться маминым здоровьем, огородом и ремонтами. Отдать долги, так сказать.

Я купила Вадика обратный билет в Казахстан, отвезла лже-Аленина в Шереметьево, младший сын отвез меня на Казанский вокзал, посадил в поезд и помахал рукой. Так была закрыта московская страница жизни, которую я прописала в своей книге «Между ангелом и бесом...» и переосмысливала всю дорогу из Москвы до Георгиевска.

Но я ошибалась. В крае меня снова ждала работа и публичная деятельность, туды ее в качель. Через месяц я уже работала в «Открытой» газете заместителем главного редактора на Кавказских Минеральных Водах и Восточной зоне Ставропольского края. Газета, как и ее редактор Людмила Леонтьева, шаршили край по полной программе – что ни статья, то бомба.

– Иди ко мне работать, я давно мечтала тебя заполучить, – сказала мне по телефону Людмила Ивановна, когда я позвонила ей поздороваться и просто узнать, что к чему в регионе.

Меня царапнуло слово «заполучить», но таков уж был сленг главреда, и я согласилась.

С первых статей я окунулась в краевые скандалы, занялась аналитикой и публицистикой, к которым мало, кого допускали в Москве. Тираж «Открытой» сразу пошел вверх, ее читали в «медвежьих углах» и во властных кабинетах, невзирая на грозное указание тогдашнего губернатора гнობить это издание и не сметь брать в руки.

Мне стало понятно, почему мой сын вытряхнул меня из Москвы – здесь, дома, оставались нерешенные задачи, не отданные долги. Люди, отравившие мне жизнь, всё еще работали на высоких постах и не понесли наказания за совершенное по отношению ко мне преступление. А это именно преступление – лишить человека права исполнять предназначение, послушание, наложенное Богом.

Первым подставился Вася Балдуев, один из главных «отравителей». К тому моменту он занимал пост вице-преьера краевого правительства и жаждал взять надо мной реванш.

В тот год в политическую моду вошла оптимизация. Чиновники крыжили все, что подворачивалось под их загребушую руку. И рапортовали в Москву: в Ставропольском крае, например, закрыты все детские дома и все сироты разобраны по семьям! Вот, какой добросердечный народ живет в регионе! А всё почему? А потому, что тут власть мудрая, честная и экономная.

Куда эта власть подевала оптимизированные миллионы рублей, я не знаю. Но то, как фашистски чиновники расправились с Полтавским детским домом в Курском районе, и сегодня, спустя девять лет, аукается 40 бывшим сотрудникам детдома, враз лишившимся работы, и 33 бывшим воспитанникам, которых раскидали по разным детдомам.

Скандал был несусветный. Детский рев стоял на все село, когда сирот грузили в автобус и увозили из ставшей родной Полтавки и от воспитателей, которых дети звали мамами.

Кто сотворил это безобразие? Вася Балдуев вместе с другими спецами краевого правительства, которым дети, узнав о предстоящей ликвидации детдома, слали слезные письма и умоляли сохранить это лучшее в крае учреждение с условиями, максимально приближенными к домашним.

На детей плюнули. Одна девочка выбросилась в окно, две других в ночь и в дождь сбежали обратно в Полтавку из Ессентуков.

Трагедия. Нож в сердце. Не смогли дети пережить несправедливость и побежали к своему любимому хореографу детдома – Маше Юрьевой. В ее сердце нет предела великодушию и мужеству. Она поставила на кон свою женскую судьбу и одна, без мужа, взяла на воспитание сирот. К своим трем детям добавилось 9.

Дом Марии в глухом селе, требующий капитального ремонта и сумасшедших вложений, вместил в себя всех. Районный глава обещал выделить три миллиона на ремонт, да так и сдулся. Кого волнуют чужие дети? Здание детдома, большое и крепкое, опустело и используется под разные незначительные нужды.

А для Маши начались будни. В утро выходного дня завтрак – тазик оладий: у подрастающего поколения – отменный аппетит. В будни и праздники от яств ломаются холодильники и морозилки. Куплены на кредиты.

Щеки детворы румяны от фруктов и овощей, выращенных на приусадебном участке. В загоне хрюкают поросята, голосят петухи, крикают утки... Кого только нет на этом подворье. Детвора живет на природе и знает, что деньги не растут на деревьях. Все занимаются спортом и приносят домой медали. Все учатся, в том числе, получают высшее и специальное образование.

Живут на крохи, выделяемые государством на приемных детей. Маша не знает ни выходных, ни праздников, живет с одной мыслью: где взять денег, чтобы закрыть один кредит и взять другой, чтобы купить детям и в дом необходимое.

Мои статьи, обличающие оптимизаторов, сэкономивших 10 млн рублей в год на ликвидации детдома, донимали краевых монстров до печенок. И Балдуев не выдержал – накатал на меня телегу в Москву, в Общественную коллегия по жалобам на прессу. Мол, все мои псевдозащитные действия продиктованы исключительно мстостью к нему за то, что он меня когда-то уволил из газеты. При этом умудрился усмотреть в моих статьях «злоупотребление правами журналиста» и «попытки разжечь социальную рознь». Но пролетел. Эти пункты, как будет написано в решении, «безоговорочно не могут быть поддержаны Коллегией».

Лишить меня работы и выдвинуть из края было мало – мой давний «обожатель» попытался меня убить профессионально, раз уж не удалось прицепить мне судимость и уголовку, хотя он очень старался, надо отдать ему должное.

Момент был выбран удачный: он – вице-губернатор, шеф-редактор и крутой перец среди членов СЖ хоть в крае, хоть в Москве. И Общественная коллегия по жалобам на прессу из одной только солидарности с заявителем могла «какую-то там» меня размазать, убрав с его дороги раз и навсегда.

Но – не задалось.

С членами Коллегии мы общались по скайпу. И уже через несколько минут по понимающим лицам, а это всё были известные в российской журналистике фигуры, было ясно, что судилища а-ля Балдуев не получилось.

Более того, эксперты, привлеченные из университетов Москвы и Казани, не только не нашли в моих статьях нарушений закона и журналистской этики, но и вынесли вердикт о справедливости моих публикаций и оправданности выводов.

В итоге родилось такое решение: «Общественная коллегия просит: редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;

Факультет журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику...».

Но... Ни публикации в «Журналисте» никто не увидел, ни методичек в МГУ. Хотя я уверена, если бы Коллегия заклеила меня, а не Васю, то меня мазали бы черной краской по всем российским заборам.

После этого инцидента мне довелось приехать в Москву в командировку, и я зашла в редакцию журнала. Очень хотелось пообщаться с главным редактором и спросить, почему он не выполняет решение Большого журналистского жюри. Если оно не обязательно, то к чему было это нервическое шоу?

Редактора не оказалось на месте. Тогда я через сотрудников передала ему свой номер телефона, выразив готовность до окончания командировки вновь приехать в редакцию и пообщаться. Но мне так никто и не позвонил.

Собственно, я не надеялась. Дело в том, что, еще работая в Москве, мой офис располагался как раз в том же здании, что и журнал «Журналист». Однажды, придя на работу, я увидела на столах своих коллег экземпляры только что вышедшего номера этого издания, на обложке которого красовался Вася в полный рост с улыбкой хищника, сожравшего всех и вся и готового делать это снова и снова.

Конечно, это был вызов. Конечно, он не мог не знать, где я работаю, потому что мои статьи легко было найти в Интернете. А вот, какая была мотивация?!

Я раскрыла журнал, прочитала статью о Василии. Оказалось, что он в составе важной делегации ездил в Страсбург. Дальше можно было не читать. Стало ясно, что судьба моей жалобы в Европейский суд по правам человека предрешена: несколько лет назад, не добившись толку ни в краевом суде, ни в Верховном, я обратилась в Страсбург. Моей жалобе о незаконном увольнении с работы и дальнейшей травле присвоили номер и обещали рассмотреть.

Обычно на выполнение этого обещания уходит до восьми лет. С этой минуты мне можно было не беспокоиться.

И ладно. Я уже третий калач. А вот что делать Маше и ее 12 детям, которые по вине таких вот балдуевых остались один на один с проблемой выживания? Власть, толкнувшая сирот и приемную мать навстречу друг к другу, сделала вид, что она не причем. Типа, никто тебя, Мария, не заставлял брать к себе детдомовцев. А взяла, так и не скули.

А когда пошла серия моих разоблачительных публикаций, Машу со всех сторон атаковали разные подонки: а не ради ли денег ты взяла детей? Ну, конееее-чно ради денег! Не потому же, что ты такая порядочная, что памятник тебе можно ставить при жизни?!

И Балдуев почтил Машу своим чиновным вниманием, прибыл в село посмотреть, так ли всё обстоит, как я излагала в своих статьях? Действительно ли огромная семья нуждается в поддержке? И прямо с порога изрек:

– Денег не дам и не просите!

Машка только плечами пожала и подумала, зачем тогда было приезжать, если не соби-рался помочь? Не ей. Детдомовцам, выброшенным не без его подачи за ворота ставшего род-ным детдома.

А я бы спросила: а где же оптимизированные 10 миллионов на его ликвидацию? Ну да кто-то бы мне ответил...

С той поры мы с Марьей дружим. Обремененная детьми, их уроками и проделками, болезнями и драками, она находит время вырваться ко мне в Георгиевск за 130 км и привезти разную вкуснятину, сотворенную своими руками: сало, пироги, холодец, невероятной вкусно-сти соленья и варенья. Она даже ко мне в больницу приехала, чтобы разделить мою боль.

– Маша, я подозреваю стороннее воздействие на меня. Поэтому я упала. Перелом ноги – это чья-то злая сила.

– Нет, – уверяла меня подруга накануне по телефону. – Так бывает. У меня родители в один день обездвижены были: отец обварил ногу кипятком, а мама вошла в комнату и подвер-нула ногу. Я к ним приехала – сидят рядышком мои старички с увечьями на ногах и – хоть плачь, хоть смейся. Что это? Случайность, конечно.

Но совсем по-другому Маша заговорила, когда мы в больнице сварили натуральный кофе в турке, и я дала Марье посмотреть свою чашку. Ко всем своим достоинствам, подруга отли-чается еще и способностью находить в кофейных рисунках ответы на вопросы.

– Нет, я ошиблась... Было стороннее воздействие, – задумчиво протянула Маша, разгля-дывая мою чашку. – Лицо не показывают, только рога и шлем. Чертовщина какая-то!

А я вдруг вспомнила, что накануне моего падения упала и сломала шейку бедра женщина из моего подъезда с 7 этажа, молодая, рослая, эффектная. А спустя еще несколько дней спот-кнулась о бордюр, упала и сломала руку моя соседка Галя, с ней мы вообще живем дверь-в-дверь более 30 лет с момента заселения дома.

Я тогда не объединяла эти события. Но когда упала сама, как-то четко высветилась связь между всеми тремя падениями: какая-то сволочь, задыхаясь от ненависти или зависти, проби-вала мое энергополе?! Видимо, это было не просто, раз получилось только с третьего раза и рикошетом попало в других людей.

А может колдун или колдунья живут далеко от Георгиевска и не смогли с точностью рассчитать место удара, а колошматили по верхним этажам подъезда?!

Однако совершенно точно эта сволочь получит обратку в многократно увеличенном объ-еме. Меня опасно трогать, хоть физически, хоть виртуально. Человек, которому Богом даро-вано право и даже обязанность заниматься писательским трудом, находится под Его защитой. «Вначале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог». Помните? И осмеливаясь пакостить мне, работающей со Словом, безумец пакостит Богу.

Как, впрочем, наводя порчу, злословя, обижая человека, нужно понимать, что наказание последует непременно. Причем, часто удар приходится не по автору даже, а по его роду. Оглянитесь, посмотрите, кто и как живет. На здоровье смотрите его и, главным образом, детей.

Если они в порядке, здоровы и успешны, значит, родителей не за что серьезно наказывать. Ибо для вразумления человека ему нужны страдания. И через горести детей они скорее всего достигают воспитательной цели.

Стало быть, я не слишком провинилась перед Небом, раз мой перелом голеностопа – исключительно мое страдание, с причиной которого я непременно разберусь и с Божьей помощью справлюсь.

Машка у Бога, как я понимаю, тоже на особом счету. Она родила собственных троих детей вопреки прогнозам врачей. Они ставили диагноз бесплодие – у Маши почки расположены не как у обычных людей, а обе-две с левой стороны – одна позади другой. При такой ситуации беременность исключена. Но Маша рожала одного за другим здоровых красавцев. А уж то, что она, не имея постоянной работы, испытывая финансовую нужду, все-таки взяла ответственность за 9 чужих детей, за их здоровье, за их судьбу, непременно в глазах Бога является достойным, заслуживающим уважения поступком.

Но это в глазах Бога. Люди – другое. Свои же односельчане Машкин подвиг не видят в упор. А глава сельский вообще зашел далеко – наслал к ней в дом своих подчиненных. В отсутствие приемной матери детей-сирот чиновники проникли на территорию ее собственного домовладения и начали фотографировать подсобное помещение, куда от жары Маша перенесла своих цыплят. «Не положено!», – решил столоничальник и выписал ей штраф 1000 рублей.

– Вы не у меня эту тысячу забираете, – сказала назавтра Маша странному главе. – Вы у сирот забираете.

Пришлось подключать прокуратуру и прессу, ставить безграмотного, потерявшего совесть начальника, на место.

При таком отношении жить в селе трудно в принципе. А Маша живет. И еще печет такие торты, что к ней едут со всего Северного Кавказа – на свадьбы, на юбилеи, на дни рождения лучший подарок и украшение праздничного стола трудно придумать. А ведь не умела печь совсем, когда однажды к ней пришел сосед и попросил испечь торт.

– Да не могу я, – открещивалась Маша.

– Можешь, – уверенно сказал сосед, сунул 10 рублей и ушел.

Тогда 10 рублей были еще большими деньгами. И Маша испекла. Потом с той же просьбой пришла соседка. Тут уже Маша задумалась, как украсить изделие. Полезла в журналы и кулинарные книги, стала учиться... Так одно ее предназначение – растить детей – подкрепилось полезным навыком: печь торты, чтобы на вырученные деньги кормить ребятню. Торты стали «костылем», крепким подспорьем: когда уж совсем туго с деньгами, кулинарный талант тут как тут. Для подрастающих девчонок опять же школа отличная – мужья сто раз спасибо скажут.

Чудом считает Маша и то, что, уезжая из родного для нее Дагестана на Ставрополье, купила квартиру в доме, который когда-то был интернатом. И вот, спустя годы, в этом здании поселились дети-сироты. Чем не интернат? Чем не знак для Маши судьбоносности ее действий?

Она из тех, кто умеет всё. И всему училась профессионально. На электрика, на бухгалтера, на повара... Все эти навыки, как показала жизнь, оказались крайне нужны приемной матери для воспитания большого числа сирот. Марья справедливо считает, что высшие силы готовили ее к этой миссии. Так Бог ведет по жизни тех, кто понимает знаки судьбы и, не противясь обстоятельствам, сколь бы сложны они ни были, исполняет свое предназначение.

В этом году Маше будет трудно. Ни кур, ни уток, ни индюков ее детвора не увидит. Чтобы купить только цыплят, лекарство и зерно ей нужно тысяч 30 рублей минимум. А еще кредиты не отданные на ней висят. И дочь поступает в университет. Не до хозяйства будет. Хорошо хоть огород засеяла.

– Не у меня одной такая патовая ситуация, – говорит Маша. – В селах сейчас люди продукты покупают под запись – денег нет. Наберут еды в долг, а потом в страхе перед судебными приставами, выставляют свои дома на продажу за копейки и уезжают в города к детям.

Кто эти дома покупает? Выходцы из соседних республик. Почему не купить? В том же Дагестане земли-то маловато будет. А тут... Паси овец и наслаждайся жизнью. А то, что свежую баранину на Ставрополье купить не так-то просто, а эти парни фурами вывозят туши в московские рестораны, так это бизнес. Рыночная экономика. И то, что славянское население вытесняется вглубь России, то, что в начальной школе начинают доминировать кавказские народности, властью упорно не замечается.

...Вася Балдуев после серии разоблачительных публикаций получил по заслугам, лишился высокой должности. Так победило печатное слово.

К тому моменту и губернатор Черноворон опростоволосился – ушел на повышение в минсельхоз России, но не совладал и там, и был уволен «за низкое качество управленческой работы». Скандальная ситуация так бы и канула в лету, если бы бывший губернатор не подал иск о восстановлении в должности к самому премьер-министру Медведеву и, разумеется, проиграл. Никто уволенного восстанавливать не собирался. Я же поразились божественной справедливости – дать нечестивцам пройти тот же путь, на который они толкнули когда-то меня.

Есть такая восточная мудрость: «Сиди тихо и однажды мимо тебя пронесут труп твоего врага». Тихо сидеть мне не позволяет профессия, и трупы мне не нужны. Но вскоре мои деятельные недоброжелатели один за другим отправились на погост, у прочих развал пошел по работе, по здоровью, по семье, по детям. И я, содрогнувшись, подумала, что меня для того и вернули из Москвы в Георгиевск, чтобы продемонстрировать наказание всех, кто когда-то причинил мне зло. Да что мне... Против Бога шли эти люди, нарушая закон, заповеди, клевета, интригуя, сея раздоры и тыря по карманам всё, что плохо лежало.

...Больничная палата открылась и к моей кровати подкатилась каталка. Травматолог Илья помог мне перевернуться на нее с кровати и меня повезли накладывать гипс поверх лангеты. Я не подозревала ничего дурного. Подумаешь, делов-то.

Ногу сначала обложили ватой, затем обмотали бинтом. И только потом стали наматывать повязку, обильно смачивая ее специальным составом. Состав был горячим, и я порадовалась, что сейчас начало апреля и нет жуткой жары, которая последние годы особенно свирепствует на Ставрополье с июня по сентябрь. Прошлым летом градусник в лоджии застрял на отметке 50. Притом, что Георгиевск относится к особо охраняемому эколого-курортному региону Кавказских Минеральных Вод, славящемуся своим здоровым климатом.

Удивляться не приходится. Вырубая деревья в городах-курортах, бросив на произвол леса и застраивая горы, назвав это преступление развитием инфраструктуры, можно радикально поменять климат и окончательно убить курорты.

Илья намотал мне гипсовую повязку от души – выше колена на 30 сантиметров. По самое не балуйся. Почти в пах.

В палате меня не очень бережно опрокинули на кровать, подложили под горячий гипс подушку и оставили в одиночестве.

Я оцениваю гипс и понимаю, что наложен он плохо. Илья, который наматывал мне на ногу немереное количество ваты и бинтов, явно был больше заинтересован стоящей напротив него молоденькой медсестрой, которая как-то криво держала мою ногу, и по всему было видно, что она ее ничуть не волнуется. От них разило такой животной заинтересованностью друг другом,

что было ясно: с ногой у меня будут проблемы. И уже через несколько дней гипс стал впиваться в ногу в разных местах, жал и натирал до боли и отеков, да еще и дисциплинированно принял конфигурацию подушки, на которой лежала нога, незаметно углубившись под колено.

И вот, еще вчера я могла прыгать по коридору на костылях, радуясь тому, что, говоря языком врачей, вертикализировалась. Я уже сама садилась на кровати, могла дотянуться до бутылки с водой, до таблетки, могла сидя в полушпагате работать за компьютером – друзья подарили мне ноутбук, и я радостно принялась за работу – редактировала и переписывала материалы пресс-службы и свежим глазом вычитывала газету. Был у меня, конечно, и другой функционал, но сейчас, в больнице я могла только это.

И вот из-за наложенного гипса я опять заняла горизонтальное положение. Я опять не могла сидеть, подкладывать под себя «утку», делать минимальную гимнастику. Гипс отбросил мое выздоровление назад, снова вынуждая меня приспособливаться к ухудшившимся обстоятельствам, испытывая силу духа.

Загипсованная нога размером от стопы до паха потяжелела килограммов на 10. Я сфотографировала ее и отправила знакомому редактору в Санкт-Петербург. Он в шоке через несколько минут отозвался: какой кошмар, вы в каком веке живете? Уже давно существуют импортные гипсы – пластиковые. Они гораздо легче российских.

Утром я спросила врача на обходе, почему мне намотали на ногу эту жесь? Почему не предложили сразу пластиковый, я бы заплатила! А сейчас я не могу ногой пошевелить, и под коленом гипс врезается, потому что неправильно высох!

В ответ мне было сказано, что вскрывать гипс сейчас и наматывать импортный нельзя – опасно, можно сдвинуть кости. А на счет неудобства... «Ищите положение ноги».

И я искала его отныне каждую ночь. Часов до двух-трех... Искала и думала...

Несмотря на то, что я никого специально не оповещала о своем положении, в моей палате была постоянная толчея, а два мобильника к вечеру дружно разряжались – «сарафанное радио» работало безотказно. Каждый день ко мне приходили коллеги и друзья, приносили еду, и мы подолгу громко хохотали, будоража соседние палаты и радуя медсестер: значит – выздоравливаю.

Друг приходил ко мне в больницу каждый день в свой обеденный перерыв. Думаю, что он чувствовал свою вину за то, что я упала и сломала ногу. Он совестливый и добрый человек. Я не хочу раскрывать его имя –зачем? Какая разница, как назвали его родители? Для меня куда важнее самой спустя полтора года наших отношений, определиться, кто он в моей жизни и зачем в нее так настойчиво прорывается. Может быть, он и есть мой Ален, которого я искала и видела в астральных снах много лет назад, заранее зная, что он женат и не может разрушить свою семью? Но как я должна была его узнать?

... Полтора года назад на Ставрополье проходили выборы в краевую думу. Я баллотировалась от КПРФ по партийному региональному списку.

Кампания шла громко и скандально во многом благодаря моим публикациям. Нарушений был вал. Мне пришлось даже лететь в Москву на личный прием в Центризбирком, чтобы довести информацию об этом. Конечно же, ЦИК на ставропольские факты забил: раз дана установка на конституционное большинство едросов в парламенте, значит, так должно и быть. И в Москве, и в регионах.

При таком раскладе я была совсем даже не к месту. И только характер не позволял мне, всё зная и понимая, сдать без боя. И я пахала на выборах не за страх, а за совесть.

Параллельно в местной газете шли мои разгромные статьи. Одна из них развенчивала газетчиков, которые химичили со счетчиками.

– Я случайно услышал, как люди обсуждали твою статью, и был поражен: ты – в Георгиевске?! Я был уверен, что ты в Москве! – рассказывал мне позже друг.

В тот же день он нашел меня в соцсетях и написал первое приветствие. Я ответила: мы были знакомы уже лет 25, по школе, в которой учились наши дети. А назавтра я привезла ему на завод пачку агитационной литературы для раздачи рабочим. Власть мешала нам в этом, в след за компартийными распространителями ходили подкупленные нечистоплотными чиновниками бабушки или молодые ребята и вынимали из почтовых ящиков газеты и буклеты КПРФ. Типичная ситуация, в общем-то. Так что друг был очень кстати.

Я вышла из машины, подошла к багажнику. Друг оторвался от забора, к которому стоял, прислонясь в позе скучающего Печорина, и подошел ко мне. Взял пачку газет, мы обменялись незначительными фразами, и я, нечаянно слегка коснувшись его плечом, села в машину.

– Не плечом, а грудью, – настаивал позже друг, когда мы уже вышли за грань отношений просто знакомых людей. – Ты обожгла меня правой грудью. И я будто проснулся.

Вот, как друг сам описывал те свои ощущения в личном дневнике, решив поделиться ими со мной и с читателями будущей книги:

«Сегодня был у Лёльки. Нужно сказать, что видеть эту чудную женщину, а тем более иметь возможность общаться с ней, просто фантастика. Знакомы мы с ней давно, давно до неприличия, аж лет тридцать. Но. То давнее знакомство так бы и осталось забытым в кладовой памяти, не появившись в местной газете её публикаций. Из них я понял, что Лёлька в городе, и мне очень захотелось её увидеть. Очень захотелось. И вот случилось. И, что меня зацепило при нашей встрече, так это невольное касание её груди, её соска, который обжег меня даже сквозь ткань. Мне показалось, что эта её великолепная грудь позвала меня с собой. Что её сосок имеет свои собственные руки и пытается меня удержать. Это незабываемое ощущение».

С той минуты, которая прошла для меня незамеченной, друг повел активное наступление, которое я не одобряла и всячески ограждала себя от отношений с женатым мужчиной. Я прекрасно видела в своем окружении последствия подобных тупиковых контактов и не желала для себя страданий. Для меня не существует близких отношений без чувств, без взаимного проникновения, без построения совместного будущего. Если у кого и бывает иначе, то это люди, выражаясь языком Путина, с низкой социальной ответственностью.

Моя социальная ответственность была зашкаливающе высокой, поэтому другу не на что было рассчитывать. Я была уверена в этом. Но он чихал на мою уверенность, звонил по десять раз на дню, искал поводы быть нужным. А поскольку я двадцать лет как была в разводе, то дома у меня отсутствие мужских рук било по глазам. Плюс еще на мне висел мамин дом, где постоянно что-то рвалось, протекало и искрило. И друг чинил, прибывал, ремонтировал, поражая меня своими умениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.